

просто знакомый бандит... Но у меня нет такого защитника (В. Токарева. Мои враги).

Оценка степени вовлеченности в ситуацию с помощью антропоцентрических показателей является релевантной и для немецкой языковой картины мира: *die Nase voll haben, jmdn auf Herz und Nieren prüfen, jmdm in die Nieren sehen; Das war für den Portier schon Zeremonie geworden, fast Liturgie, ihm in Fleisch und Blut übergegangen: jeden Morgen Punkt halb zehn den Schlüssel vom Brett zu nehmen, die leichte Berührung der trockenen gepflegten Hand zu spüren, die den Schlüssel entgegennahm; ein Blick in das strenge, blasse Gesicht mit der roten Narbe über dem Nasenbein...* (H. Böll. Billard ...) *Sie fressen ihre Mitglieder sozusagen mit Haut und Haar.* 1996... *Gertrud fing sofort als Richter an, hatte alle Hände voll zu tun ...* (B. Schlink. Der Vorleser).

Таким образом, анализ эмпирического материала показывает, что эталонами измерений в русской и немецкой языковых картинах мира являются

схожие соматизмы. Они служат показателем и оценкой меры, интенсивности, степени вовлечения, количества. При этом образы, лежащие в основе соматических фразеологизмов, репрезентирующих размеры и количество в обеих языковых картинах мира различаются, что определяет национальную специфику данной лексики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 37-67.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
4. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. В 3 т. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с.
5. Ямшанова В.А. Инструментальность как семантическая категория. Л.: Изд-во Ленинградского финансово-экономического института, 1992. 159 с.

УДК 801

Медведев В.Б.
МИИТ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению гипотезы лингвистической детерминации главным образом применительно к уровню текста. Предметом исследования становятся текстовые сегменты, позаимствованные из произведений разных жанров и различной временной отнесенности, посвященные жизни и деятельности Й.З. Оппенгеймера. Автором устанавливается зависимость появления в анализируемых образцах дискурса единиц лексического, синтаксического и текстового уровней, использованных ранее другими авторами, что позволяет сделать вывод о допустимости наличия феномена лингвистической детерминации, обеспечивающей преемственность передачи элементов текста.

Ключевые слова: лингвистическая детерминация, поэтический мир, текст, движение, хронотоп.

V. Medvedev

THE PHENOMENON OF LINGUISTIC DETERMINATION IN TEXTS OF DIFFERENT GENRES

Abstract. The article touches upon the hypothesis of linguistic determination in conformity mainly with units of the textual level. The subjects of research segments of text of different genres and temporal relativity, devoted to the life and activity of J.Z. Oppenheimer. The author establishes dependence of appearance in the analyzed discourses units of lexical, syntactic and textual levels used earlier by other writers, which allows him to conclude that existand phenomenon of linguistic determination may ensure continuity of transfer of textual segments.

Key words: linguistic determination, poetic world, text, movement.

В настоящее время ученым сообществом признается наличие виртуального языкового мира и отсутствие каких-либо препятствий со стороны этого мира на пути к проникновению в суть мате-

* © Медведев В.Б.

риальных процессов, однако, остается открытым вопрос о существовании языковой детерминации индивида, в частности, в его творческой деятельности.

Очевидно, что мозаика словесных единиц способствует воссозданию в нашем мышлении особенностей отображения реального мира, хотя природа этой реальности, будучи теснейшим образом связана с реальностью объективной, от нее отлична. С объективной реальностью мы взаимодействуем с помощью языка, и закрепленные за лексическими единицами содержательные особенности определяют во многом восприятие мира.

В процессе конструирования языковой картины мира подтверждается ее релятивизм, но не устанавливается детерминация творческого сознания при построении поэтического мира, ибо научный поиск в данном случае следует не в русле изучения языка, говоря в терминах В. Гумбольдта, как энергеи, но как эргона [1]. Тем самым, очевидно, что исследовательский процесс следовало бы попытаться направить не только в сторону комплектации лексико-семантических полей, но и изучения речевого процесса с помощью этих единиц. Таким образом, предлагается обратиться к исследованию единиц, превосходящих по размеру элементы лексического или даже синтаксического уровней, и установления языковых детерминант их возникновения.

В настоящей работе предполагается рассмотрение речевого произведения как совокупности множества составляющих – детерминант, в основе которых лежат определенные реляции – отношения к соответствующим источникам, их порождающим. Эти источники накладывают особый отпечаток на конечный продукт речевой деятельности и способствуют в итоге углублению нашего знания о предмете исследования, который сохраняет известную степень релятивизма.

В предлагаемых ниже результатах исследования представлены наблюдения над некоторыми лингвистическими детерминантами произведений речевой деятельности, посвященными описанию жизни и деятельности финансиста иудейского происхождения Й.З. Оппенгеймера. Задача исследования состояла в выявлении в анализируемых произведениях реляции к соответствующим письменным источникам, детерминирующим появление их в этих произведениях в совокупности особенностей их формы и содержания. В результате удалось выявить следующие детерминанты.

Детерминация простейшая, предопределяющая появление в тексте **лексических единиц** путем

переноса их из другого речевого произведения. При этом в новом дискурсе содержание их остается неизменным. Рассмотрим пример сопоставления обозначения виновников обрушившихся на народ напастей – “Würmer” – «червей».

Gegen Juden gab es Gesetze, Reskripte; aber sie nützten nichts. *Die nagenden Würmer*, so stand in den Gutachten, Verboten. Das Land verkam, Armut, Elend, Verbitterung, Verlotterung, Verzweiflung riss ein. *Die nagenden Würmer* sassen im Land, frassen in seinem Mark. Nagten, wurden fett [3, 264].

Чтобы проникнуть в глубину содержания этого слова, необходимо обратиться к его ближайшему окружению в предлагаемом отрывке. Выражение “so stand es in den Gutachten, Verboten” явно вырывается из контекста, ибо в нем содержится ссылка на внетекстовый дополнительный документ. Из этого следует, что выражение было заимствовано Л. Фейхтвангером из архивных материалов допроса Йозефа Зюсса Оппенгеймера и использовано в историческом романе «Еврей Зюсс». Л. Фейхтвангер увеличивает экспрессию данного высказывания путем дополнительного глагола *fressen* и существительного *Mark* – «костный мозг». Затем следует усиливающий повтор.

Повтор данного словосочетания наблюдается и в произведении Г. Хаасиса, героем которого является тот же самый персонаж.

Ср.:

Obwohl nach dem württembergischen Recht nichts auszusetzen war, behaupten die Untersuchungsrichter schon beim Verhör, Süß habe durch die Niederlassung der Juden, die nach Landesordnung “als *nagende und schädliche Würmer* nicht geduldet werden sollen”, den Landständen “in ihre Privilegien gegriffen”, was “ein hochstrafbares Ding sei” [5, 398].

Несмотря на видимое формальное сходство данных речевых отрезков, нельзя провести между ними тождество, ибо в одном случае «гложащие черви» – иудеи – привели своими действиями к обнищанию народ, а в другом – черви подтачивали господствующее положение властных структур в лице сословий – истинных виновников бед, обрушившихся на страну. Таким образом, Л. Фейхтвангер разворачивает интригу, идя в русле устоявшихся общественных взглядов на негативное влияние иудейского меньшинства в герцогстве, в то время как Г. Хаасис открыто опровергает это мнение, связывая словосочетание «*nagende, schädliche Würmer*» с сословиями.

Суть данного сопоставления состоит, однако, в последовательном выявлении линии авторского заимствования анализируемого выражения: вначале

документального воспроизведения юридического акта Л. Фейхтвангером и в дальнейшем его появление спустя почти 60 лет в работе Г. Хаасиса. Таким образом, первоначальное использование словосочетания Фейхтвангером уже не отличается новизной, поскольку «*pagende, schädliche Würmer*», в сущности, является *темой* предшествующего документа, получая, впрочем, при последующем использовании каждый раз соответствующую интерпретацию.

Детерминация синтаксическая. В этом случае предопределяется сам способ построения предложения, который заимствуется автором как писательский прием, используемый последующим автором.

Высказывания персонажей различны по содержанию: умудренный житейским опытом делец Ландауер в романе Фейхтвангера наставляет Зюсса вести приемлемый для окружающих образ жизни. Необходимость переоценки ценностей проявляет себя **в строе предложений** [8, 182], при перечислении неравнозначных по своей ценности объектов, некоторые из которых ничемны для увлеченного Талмудом иудея, а иные, в силу своей уникальности, не могут рядом с ними объективироваться.

Ср.:

Der Jud besorgt alles: Juwelen, Möbel, Dörfer, Menschen. Sogar Alchemie und schwarze Kunst” [3, 41].

Рассматривая виртуальный мир как отражение объективной реальности, представляется целесообразным производить оценку этой поэтической реальности в терминах мира действительного. Несомненную актуальность для анализа лингвистической детерминации представляет собой языковая передача движения как способа существования материи и хронотопа, соответствующего ее атрибутам: пространству и времени.

Детерминация способа передачи движения в анализируемых примерах объясняется резкими изменениями в социально-экономической формации: переходе от Средневековья к эпохе барокко, бурному развитию мануфактуры, а потому в целом перемене жизненного ритма, о чем пишет, в частности, З. Штерн. Как историку ей не дано было выразить эту мысль литературными средствами, зато данную тенденцию запечатлел средствами языка на страницах своего исторического романа Л. Фейхтвангер.

В качестве инструмента придания ускорения действию Л. Фейхтвангер прибегает к приему последовательного перечисления глаголов движения, что должно свидетельствовать об осуществлении

нарастающего действия. События в романе развивается динамично, и порой создается впечатление, что эмоции захлестывают автора до такой степени, что происходит их выплескивание в действие. Подобная турбулентность потока мысли встречается у Л. Фейхтвангера только в «Еврее Зюссе» – первом написанном им историческом романе на мучительную для автора еврейскую тему.

Kammerherren und Sekretär krochen vor dem feinen, endlosen Regen ins Innere der Kutsche, Jaeger, Diener, Leibhusar *sprachen gedaempft aufeinander ein, tuschelten, zoteten, pruschten heraus* [3, 8].

Данный прием переносится на отображение эмоционального состояния героев романа. Людей новой эпохи отличает не только предприимчивость, динамизм, но порой и несдержанность в поступках.

Ср.:

“Geh, Jud!” *schrie er endlich, tobend*. Und Süß ging. Doch nicht wie der Kanzler. Langsam *ging* er und erhobenen Hauptes und mit einem tiefen, machtbewussten, bösen *Lächeln*.

Der Herzog aber, allein, *schäumte, raste, riss, zerrte, scheuerte sich wund* an der unsichtbaren, unzerreißbaren, grauenhaften Bindung von ihm zu jenem [3, 338].

В нижеприводимом примере признаком нарастающего гнева служат глагол *schreien* и причастие *tobend*. Затем это внутреннее состояние приводится в контраст с деланным спокойствием контрагента, что достигается использованием совершенно нейтрального глагола *gehen*, чтобы в следующий момент перевести состояние покоя в турбулентное движение. Указанный прием приобретает на страницах данного произведения Л. Фейхтвангера тотальный характер.

Употребление одних и тех же словосочетаний и похожих по строю предложений служит созданию единого поэтического образа в его развитии. Это может быть межтекстовая транспозиция **локально-го состояния**, например, пейзажа или даже страны в целом, как мы это видим в следующих примерах, источником которых служат произведения, созданные в различное время и даже эпоху.

Ср.: (см. табл. 1).

Во всех случаях одними и теми же или подобными языковыми средствами создается поэтический мир непрочно-идиллического счастья, суть которого заключается в мирном труде на тучных нивах в преддверии социального потрясения.

Переносы описаний не носят механический характер и чаще всего подчиняются правилам тема-рематического членения, поскольку читателю

Das Würtemberger Land war ein von der Natur hochgesegnetes Land schon damals, wo noch manches Glück nicht dazu gehört, und die Völker redeten davon, als von einem schönen edlen Garten im deutschen Reiche [7, S.3].

«Getreide wuchs, Obst, Wein. Ein schöner, edler Garten im Römischen Reich hiess das Herzogtum. Bürger und Bauern waren heiter, gesellig, willig, geweckt... Hatten sie einen guten Fürsten, so frohlockten sie, war er schlecht, so war dies die Fügung des Himmels... Sonne kam und Regen kam, Weizen wuchs, gesegnet lag das Land [3, S.89].

“Schwaben damals. Ein “schöner, edler Garten im Römischen Reich” sei es gewesen. Bürger und Bauern, “heiter, gesellig, vital” hätten frohlockt bei einem guten Fürsten und als Fügung des Himmels angesehen, wenn er schlecht gewesen. “Und Sonne kam, Regen kam, Weizen wuchs, Obst, Wein. Das Land lag gesegnet”. So heisst es in einer Beschreibung [12, S.14].

представляется уже знакомая ему из предыдущего опыта тема. Избранная тема получает дальнейшее развитие в рамках последующего произведения на правах нового.

Так, в «Еврее Зюссе» Л.Фейхтвангера описанное выше состояние страны меняется вначале в результате вредительских действий главного героя:

Ausgelaugt und zerfressen das reiche, schöne, gesegnete Land, zu den Fahnen gepresst Tausende, in Lumpen und Hunger Zehntausende, zerlottert an Leib und Gewissen Hunderttausende [3, 332].

А затем, подобно живому организму, сбросив с себя ярмо правительственного гнета, вновь переживает расцвет:

Ср.:

Unterdes blühte das Land auf. Atmete, reckte sich, nicht mehr von drosselnder Hand gewürgt. Die Preise gingen herunter, senkten sich unter das Niveau

der ersten, guten Regierungsjahre Karl Alexanders [3, 430].

Подобного рода межтекстовые заимствования в отображении событий являлись общим местом применительно к эпохе конца Средневековья, когда в литературе поощрялось использование в своей работе чужого материала и даже плагиата, а своеобразие и собственные подходы в описании действительности воспринимались не иначе как вольнодумство [4, 11].

Статья о Йозефе Зюссе Оппенгеймере, помещенная в энциклопедическом словаре Иоганна Генриха Цедлера «Grossen vollständigen Universal-Lexikons», во многих чертах и даже пассажах позаимствована из ранее опубликованного труда магистра М. Ранфта, который, в свою очередь, почерпнул материал у А. Либеруиса.

В ниже помещенной таблице приводится сравнительная характеристика выдержек из материалов, взятых нами в различных источниках.

Jahr-Buch 1738	Arnoldus Liberius 1738	Ranfft 1738	“Zedler” 1744
Weil zu vermuten war, dass die Juden diesen Gehenckten heimlich vom Galgen wieder herunter thun würden... [6,S.244]	->	->	... weil man besorgte es möchten die Juden seinen Körper heimlich wegzubringen suchen [14, Sp. 165].
... so wurde dermalen dieser Kefig, welcher sechs Schuh hoch war, gemacht; ... [6, S.244].	->	Es ist das gedachte Gegitter oder Kefig 6. Schuh hoch gewesen, ... (S. 104, Z.12-13).	Es ist aber das gedachte Gitter oder Kefig 6 Schuh hoch gewesen, ... [14, Sp. 165].
... der eiserne Galgen stunde aber schon seit tausend fünf hundert sieben und neunzig, und liess damals der Hertzog Friedrich einen betrügerischen Goldmacher, Namens Honauer daran knüpfen [6,S.244].	Der Galgen wurde schon im Jahr 1597 für einen sich ausgegebenen Goldmacher und Ertz=Betrüger, namens Georg Honauer, erbauet, welcher auch zu Zeiten des Durchlauchtigsten Hertzogs Friderici, den 12. April besagten Jahres mit Flitter-Golde wirklich daran aufgehengket worden. ... Die Leiter zu dem Galgen war 48 Schuh lang, mithin kann man sich einbilden, das ser ziemlich hoch gewesen sein müsse (S.109, Z. 11-21).	... der eiserne Galgen aber ist A. 1597. gemacht worden, als man zu Hertzogs Friderici Zeiten den Goldmacher Honauer Mit Flitter=Golde aufgehengket. Die Leiter zu dem Galgen war 48. Schuh lang, woraus man sich einiger massen die Höhe des Galgens vorstellen kan (S.104, Z.13-19).	... und der eiserne Galgen, der 1597 gemacht worden, als man zu Hertzog Friedrichs Zeiten den Goldmacher Honauer Mit Flitter-Golde daran hengket, muss sehr hoch gewesen seyn, weil die Leiter, auf welcher Süß hinauf gezogen worden 48 Schuh lang gewesen ist [14, Sp. 165].

->	<i>Der Zulauff des Volcks war unbeschreiblich gross, indem nicht nur die Stadt=und Land=Leute aus allen benachbar-ten Oertern, son-dern auch viel Fremde aus ent-legenden Städten, als Zuschauer zugegen waren [10, S.106].</i>	<i>Der Zulauff des Volcks ist unbeschreiblich gross gewesen, indem nicht nur die Stadt=und Land=Leute aus allen benachbar-ten Orten, sondern auch viele Fremde aus entlegenen Städten als Zuschauer zuge-gen gewesen [11, S.104].</i>	<i>Ob nun gleich der Zulauf des Volcks bey dieser Hinrichtung des Juden, unbeschreiblich gewesen; ... [14, Sp. 165].</i>
->	<i>Von welcher unsäglich andringenden Menge Volcks aber dem Maleficanten weder einige Schmach=Reden, viel weniger thödlische <u>Insultationen</u> widerfahren, noch auch die geringste Unordnung oder Unglück bey dieser ganz ausserordentlichen Execution vorge-gangen [10, S.12-17].</i>	<i>Übrigens hat man nicht gehört, dass dem Juden bey seiner Hinausführung von dem unzehlig herzu-dringenden Volcke einige Schmach=Reden wie vormals, da man ihn gefangen gesetzt, vielweniger thötl-iche Beleidigungen zugefüget worden; wie man denn überhaupt die guten Anstalten bey dieser <u>Execution</u> gar sehr gerühmet hat [11,S.104].</i>	<i>... so hat man doch nicht gehö-ret, dass er von dem unzählig herzu dringenden Volcke einige Schmach-Reden, vielweniger thötlliche Beleidigungen, wie vormals, da man ihn gefangen gesetzt, hätte ausstehen dürffen. Und es verdienen die guten Anstalten, bey dieser Execution allerdings gerühmet zu werden [14, S.165].</i>

На основании этих сопоставлений Ю. Дендл делает закономерный вывод о том, что «пользователям» «Цедлера» в 1744 г. была предложена статья, состоящая из частей текста, написанных современниками описываемых событий. Таким образом, здесь отсутствует рефлексия событий, составленная до появления тома лексикона в печати. «Составитель» не изложил собственного взгляда на данные события, свидетельствующего о новой трактовке всего, связанного с Йозефом Зюссом в период до 1744 г.» [2, 117].

Hatte er nicht mehr die Schönheit der schlanken kraftvollen Gestalt..., so war er doch noch immer ein schöner Mann und seine sich ansetzende Belebtheit milderte sich durch den kräftigen Wuchs des sechs Fuss grossen Helden.

Jeder gute Würtemberger war stolz auf den Heldenruhm dieses feinen Prinzen, wenn aus der Türkei hervor seine Thaten bis an den Neckar drangen, und im ganzen Lande hatte man ihn jahrelang bewundert im Bilde, das ihn beim Sturme auf Belgrad darstellte, wie er unter dem Kugelregen aus einem der Laufgräben mit siebenhundert Axtmännern zu der Höhe emporstieg, von welcher aus die Türken das christliche Lager beschossen, das Wasserthor erstürmte und den Sieg entschied. Diesen schrecklichen Helden, den gereizten Löwen in der Schlacht, sah das württembergische Volk jetzt unter sich mit Augen, wie er lebte und lebte, und sein schönes edles Gesicht war so freundlich, so offen, so behaglich rund und fast immer lächelnd in Wohlwollen...

Das war der Mann nach dem Herzen des Volkes; ... und als sie diesen Fürsten einziehen sahen in Stuttgart, mit ... dem reichen, blonden eigenen Haar, das ihm bis über die Schultern hinabwallte, da war er der Liebling aller Frauen und vieler Männer...

Darum verdarb es ihn auch nicht, wenn ihn Schmeichler stets nur ...den grossen Alexander, den deutschen Achilles nannten [7, S.4].

Данное положение допустимо и в описании внешности исторического персонажа, где автор обречен на повтор во избежание погрешности в истине. При этом возможно нарушение последовательности в передаче черт характера личности или описаний внешности объекта, но суть поэтического мира от этого не меняется. Сравните, каким образом представлен в различных произведениях образ герцога.

Karl Alexander, Sieger von Peterwardein, rechte Hand des Prinzen Eugen, kaiserlicher Feldmarschall, zu Wien in hohen Gnaden. Überall in Deutschland, und besonders in Schwaben, hing sein Bild herum, wie er beim Sturm auf Belgrad unter türkischem Kugelregen mit siebenhundert Axtmännern die Höhe emporklimmt. Ein aufregendes Bild...

Sein Aufzug war nicht gerade stattlich.... *Der Prinz selber freilich sehr elegant, das offene, fröhliche Gesicht, jetzt auf der Reise ohne Perücke, in dem langen, schönen, blonden Haar, die hohe, kräftige Statur imponierend in der reichen Uniform... das war nun wirklich ein Prinz und grosser Herr. Was sonst sich in Wildbad herumtrieb, reichte ihm nicht an die Achseln [3, S.47].*

Sie hörte..., als er pathetisch verkündete, Karl Alexanders Name fasse alles zusammen, was man von Karl dem Grossen und anderen Karlen spreche, was sich am Griechen Alexander weise, was Gottes Volk an Simpson preise, was Herkules besessen habe, als er ihn schliesslich mit dem römischen Cäsar verglich. Und nicht einmal da zeigte sie ihr Amusement, als er den Herzog rühmte, er sei schon deswegen ewig in der Zeit, weil wie der Prinz von Ithaka sein Geist nach einem Mentor sah [3, S.111].

Один и тот же дискурс, используемый авторами различных произведений, может транспозироваться в неизменной форме, получая при этом различное продолжение.

Так, история, приключившаяся с Йозефом Зюссом Оппенгеймером в отеле, где ему пришлось ненадолго остановиться, привлекла внимание нескольких авторов и перенесена ими на страницы своих произведений без каких-либо изменений. Краткое содержание этого анекдотичного случая таково: путешествовавший в гражданской одежде Зюсс в зале гостиницы по-свойски приветствовал находившихся там студентов, а затем разговорился с трапезничавшим там же иудеем, признавшись тому в своей религиозной принадлежности. Принимал

Man sieht aus diesem Historchen, dass er in seinem äussern Wesen nicht viel Ebräisches an sich gehabt; desgleichen, dass er sich in einigen Stücken seiner Religion sehr vieles herausgenommen. Dahin gehört seine Art zu essen und zu trinken, bey welchen er die rabbinischen Satzungen, zum Aergernis aller scrupulösen Juden, wenig in Acht nahme [9, S.48].

“In ihr (der Anekdote) spiegelt sich wider, was ihn von allen Juden seiner Zeit unterscheidet ...: der Dualismus seines Wesens. Wie er im Wirtshaus ... ebenso sehr Cavalier wie Jude ist, wie er sich vom Wirt und Studenten als die vornehme Exellenz, vor seinen Glaubensgenossen als der wohlthätige Ghettojude aufspielt, so spielt sich sein ganzes Leben zwischen zwei Polen ab: zwischen Wechselbude und Schloss, zwischen Judengasse und Hof [13, S.132-133].

Diese Anekdote steht einmalig in der Süß-Überlieferung. Sie zeigt Mitleid, jüdische Identität, aber auch Freidenkertum, Spass am Spiel, Versteck hinter einer völlig angepassten, noblen Erscheinung. Süß gibt sich äusserlich nicht als Jude zu erkennen, und dennoch ist er im Herzen ein mit den Armen seines Volkes mitfühlender Jude geblieben [5, S.267].

В первом пассаже неизвестный автор – христианин упрекает Зюсса в его мимикрии с окружающей средой и отходе от религиозных канонов.

Анекдот в отеле З. Штерн истолковывает, в отличие от предыдущего описания, где о Зюссе говорится как о субъекте, мало обращенном к религии и традициям своего народа, как проявление дуализма его натуры в соответствии с требованиями эпохи барокко.

В отрывке Х. Хаасиса интерпретатором делается вывод о кажущейся внешней отчужденности героя от религиозных традиций, хотя в душе он на стороне своего бедного народа.

Подводя итог проделанному небольшому исследованию речевых произведений, можно с уверенностью утверждать наличие лингвистической детерминации, заключающейся как в заимствовании в предыдущих текстах одних и тех же лексических и синтаксических элементов, так и текстовых сегментов, что не исключает в последующем их различной интерпретации.

Тип текстового заимствования проявляет не только жанровые различия, но следует правилам их диахронического появления.

При этом на дискурс распространяется порядок, применимый к тема-рематическому членению, с учетом того, что в единицах текста известное

Зюсс пищу не по-еврейскому обычаю, что ввело в заблуждение хозяина гостиницы и неприятно поразило единоверца Зюсса, оповестившего хозяина о том, что прибывший, якобы важный гость, является обычным иудеем. Хозяин решил, в свою очередь, посмеяться над гостем и собрал у себя всех бедных евреев из близлежащей синагоги, чтобы Зюссе пришлось раскошелиться им на милостыню. Зюсс щедро всех наградил и уехал восвояси.

История, приключившаяся в отеле с Й.З. Оппенгеймером, служит материалом для различных выводов, подаваясь читателю, таким образом, в развитии.

Ср.:

и новое разъединены различной текстовой привязкой.

Рассмотренные случаи лингвистической детерминации можно было бы определить как тенденцию преемственности в передаче языковых единиц в процессе речевой деятельности, направленной на формирование дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. В кн.: Хрестоматия по истории языкознания XIX веков. М.: Учпедгиз, 1956. С. 68-86.
2. Dendl J. Leben und Sterben des Joseph Süß Oppenheimer genannt Jud Süß nach der Darstellung des “Grossen vollständigen Universal-Lexikons” von Johann Heinrich Zedler worin durch eine Untersuchung der zugänglichen Texte, welche verfasst sind in den Jahren 1737 und 1738, die Quellen und Vorlagen dieser Darstellung aufgedeckt und erklärt werden. In:
3. Feuchtwanger L. Jud Süß. Aufbau-Vlg. Berlin und Weimar, 1991. 472 S.
4. Gurjewitsch A. Das Weltbild des mittelalterlichen Menschen. VEB Vlg. der Kunst, Dresden, 1978. 401 S.
5. Haasis H. Joseph Süß Oppenheimer, genannt Jud Süß. Finanzier, Freidenker, Justizopfer. Rowohlt Verlag. GmbH bei Hamburg, 1998. 477 S.
6. Historisches Jahr-Buch vom Jahre Christ 1738, Frankfurt/Leipzig: Riegel. S. 237-245.
7. Joseph Süß Oppenheimer ein Finanzmann des 18. Jahrhunderts. Ein Stück Absolutismus- und Jesuitengeschichte. Nach den Verteidigungsakten und den Schriften des Zeitgenossen

- bearbeitet von Manfred Zimmermann. Stuttgart: Rieger'sche Verlagsbuchhandlung, 1874. 140 S.
8. Körte M. Figur ohne Original: "Jud Süß" und "Ewiger Jude" als Metafiguren der Geschichte bei Lion Feuchtwanger. In: Przyrembel A., Schönert J. (Hg.) "Jud Süß" Hofjude, literarische Figur, antisemitisches Zerrbild. S.175-188.
  9. Leben und Tod, des Berüchtigten Juden Joseph Süß Oppenheimers aus Heidelberg oder kurze und zuverlässige nachrichten von dessen Herkunft, geschwinden Erhebung, lasterhaftem Leben und plötzlichem Falle. Nebst einem Vorbericht, wie die bisher herausgekommenen Nachrichten von diesem Juden, mit Unterschied zu lesen sind. Frankfurt und Leipzig, 1738. 72 S.
  10. Lieberius A. Vollkommene Historie und Lebensbeschreibung des fameusen und berüchtigten Württembergischen Avanturiers, Jud Joseph Süß Oppenheimer, Frankfurt/Leipzig, 1738.
  11. Ranfft M. Leben und Tod des jüngst hingerichteten Württembergischen Hofjudens Süß Oppenheimer, In: Der Genealogisch-Historische Archivarius, Michael Ranfft (Hg.), Leipzig: Heinsius 1738. S. 87-106.
  12. Schneider R. Süß und Dreyfuss. Göttingen: Steidl Vlg., 1991. 170 S.
  13. Stern S.: Jud Süß. Ein Beitrag. zur deutschen und zur jüdischen Geschichte. Berlin 1929 (2. Aufl. München, 1973).
  14. Zedler Johann Heinrich von. Das Grosse vollständige Universal-Lexikon. Bd. 41, 1744. S. 165, Z. 16-18.

УДК 81'221

Перминова Ю.В.*Соликамский государственный педагогический институт***СЕМИОТИЧЕСКАЯ МНОГОГРАННОСТЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ***

Аннотация. Статья раскрывает понятие невербальной коммуникации, затрагивает вопрос определения её роли в процессе общения людей, а также знакомит с разнообразными средствами невербального общения, которые выполняют различные функции в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: процесс коммуникации (общения), невербальное поведение, средства невербальной коммуникации.

J. Perminova

SEMIOTIC MANY-SIDEDNESS OF NONVERBAL COMMUNICATION

Abstract. The article reveals the notion of nonverbal communication, touches upon the question of defining its role in the process of people's interaction and familiarizes with various means of nonverbal communication, which perform different functions in people's interaction.

Key words: the process of interaction, nonverbal communication, means of non-verbal communication.

Без общения не может существовать ни отдельный человек, ни человеческое общество как целое. Общение для человека – это его среда обитания. Без общения невозможно формирование личности человека, его воспитание, интеллектуальное развитие, приспособление к жизни. Общение необходимо людям как в процессе совместной трудовой деятельности, так и для поддержания

межличностных отношений, отдыха, эмоциональной разгрузки, интеллектуального и художественного творчества. Умение общаться – естественное качество всякого человека, данное от природы, и непростое искусство, предполагающее постоянное совершенствование. Общение – сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга [Петрякова А.Г., 2006, 157].

Процесс общения (коммуникации) состоит непосредственно из самого акта общения, коммуникации, в котором участвуют сами коммуниканты, общающиеся. Коммуниканты должны совершать само действие, которое мы и называем общением, т.е. делать нечто (говорить, жестикулировать, позволять «считывать» со своих лиц определенное выражение, свидетельствующее, например, об эмоциях, переживаемых в связи с тем, что сообщается) [Дунев А.И., 2006, 352].

В общении используются средства коммуникации двоякого рода – вербальные, связанные с речью, и невербальные, основанные на применении различных неречевых знаковых систем (жестов, мимики, а также качества голоса, его диапазона и тональности).

Передача любой информации возможна лишь посредством знаков, точнее, знаковых систем. Существует несколько знаковых систем, которые используются в коммуникативном процессе, соответственно им можно построить классификацию коммуникативных процессов. При грубом делении

* © Перминова Ю.В.